

doi 10.21672/1818-4936-2021-77-1-125-134

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ФРОНТОВОЙ» ЛИРИКИ Б. ШАХОВСКОГО

Боровская Анна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, borovskaya-anna@bk.ru

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный технический университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 18, dmitriybychkov@list.ru

В статье анализируется корпус лирических стихотворений Б. Шаховского, посвящённых Великой Отечественной войне. По наблюдениям авторов исследования, «военные» стихотворения поэта представляют собой произведения с повествовательно-прозаической организацией текста. В статье доказывается, что им присущи сюжетность и фактологичность. Делается вывод, что указанная особенность объясняется общими тенденциями развития советской поэзии 1940–1960-х гг., а также тем, что героика времени диктовала необходимость обращения не к индивидуальному, а к массовому сознанию, требуя расширения спектра психологически действенных художественных форм. В настоящем исследовании показаны механизмы эпизации лирики, анализируются синкретические формы лирического эпоса. Авторы статьи делают вывод, что стиль «военных» стихотворений Б. Шаховского отличается экспрессивностью, афористичностью, декларативностью, риторичностью.

Ключевые слова: «фронтальная» лирика, лирический эпос, эпизация, мотивы «военных» стихотворений, способы выражения авторского сознания

ARTISTIC PERSONALITY «FRONT» LYRICS OF B. SHAKHOVSKY

Borovskaya Anna A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st., borovskaya-anna@bk.ru

Bychkov Dmitry M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Astrakhan State Technical University, 414056, Astrakhan, 18 Tatishchev st., dmitriybychkov@list.ru

This article analyzes the corpus of lyric poems by B. Shakhovsky, dedicated to the Great Patriotic War. According to the observations of the authors of the study, the poet's «war» poems are works with a narrative-prose organization of the text. The article proves that they are characterized by plot and factual nature. It is concluded that this feature is explained by the general trends in the development of Soviet poetry in the 1940-1960s, as well as by the fact that the heroics of the time dictated the need to appeal not to the individual, but to the mass consciousness, requiring an expansion of the spectrum of psychologically effective artistic forms. This study shows the mechanisms of epization of the lyrics, analyzes the syncretic forms of the lyric epic. The authors of the article conclude that the style of «military» poems by B. Shakhovsky is expressive, aphoristic, declarative, rhetorical.

Keywords: «frontal» lyrics, lyrical epic, epization, motives of «military» poems, ways of expressing the author's consciousness

События Великой Отечественной войны, участником которой был Б. Шаховский, ушли в прошлое, но тема трагедии и её последствий волнует поэта наряду с послевоенными темами и в мирное время. Совмещение прошлого, настоящего и будущего, временного и вечного в творчестве нашего земляка позволяет получить целостное представление о художественной концепции лирического героя, аккумулирующем в себе лучшие качества русского народа в тяжёлые годы испытаний.

Субъектная организация «военной» поэзии Б. Шаховского достаточно однородна: преобладают стихотворения с имперсональным типом повествования («Тут – только рана пулевая...», «Сто шагов», «Дождь в окопах», «Бессмертие», «На века», «В теплушке», «Прямая наводка», «Карандаш на полу», «День победы» и др.), количество текстов с перволичной формой достаточно ограничено («Меня друзья

не провожали...», «Запомнилась строка...», «Встреча с Волгоградом», «Мой ровесник»). Панорамный принцип изображения событий, публицистические интенции, декоративная монументальность, нарративность и в целом – эпизация «фронтальной» поэзии 1940–1960-х гг. порождают особую разновидность лирического героя, в образе которого объединяются индивидуально-личные и национально-обобщенные черты. Творчество астраханского поэта вписывается в эту парадигму. Сознание лирического «я» в стихотворениях Б. Шаховского о войне не растворяется в коллективном «мы», но сливается в единый хор голосов, который воплощают портрет целого поколения.

Тема памяти и бессмертия для лирики Б. Шаховского становится одной из ведущих, определяющей образный ряд его стихотворений («Запомнилась строка...», «Запало в память навсегда...», «На века», «Бессмертие», «Минные тропы» и др.). Обращение к таким философским категориям, как «вечность», «время», «бессмертие», «память» отличает «военную» лирику 1950–1960-х гг. (В. Соколов «Памяти М. Луконина», «Памяти товарища», Ю. Воронов «Память», О. Шестинский «Воспоминание о блокаде», Ю. Кузнецов «Память», А. Передреев «Воспоминание о старшем брате»), основные тенденции развития которой находят отражение и в художественной системе поэта-астраханца. Память становится одной из главных ценностных констант для поколения его современников.

Художественная доминанта стихотворения Б. Шаховского «На века», которое в жанровом отношении (как и «Бессмертие») представляет собой своего рода портрет-«медальон», посвящённый капитану Гастелло, – образ памятника (в данном случае поэт продолжает известную горацанскую традицию), а огонь, «переплавляющий в бронзу бесстрашных», аллегорично отсылает к образу «неопалимой купины» и символизирует, будучи одновременно деструктивной и космогонической стихией, очищение и возрождение к жизни. Авторская концепция памяти, в том числе материально воплощённой, основывается на убеждении, что именно она способна воскресить умерших. Стихотворение построено на взаимоисключающих понятиях: «бесстрашие» и «трусость», «смерть» и «бессмертие», «безвестность» и «величие». Система контекстуальных оппозиций организует и образный строй стихотворения «Бессмертие», главной героиней которого является Зоя Космодемьянская:

И каждый своё в этот миг ощущал:
Фашист в сапогах – эшафота подмости,
А Зоя босая – литой пьедестал [8, с. 25].

Тема увековечивания, образ «нерукотворного» памятника-«пьедестала» объединяет оба текста в своеобразную диалогическую, показателем циклического единства служат наличие адресата-прототипа и сходство строфической организации (оба текста состоят из двух катренов с перекрёстной рифмовкой и чередованием женской и мужской клаузул). Парадоксы и антонимические пары выражают противоречивый психологический комплекс: память о войне мучительна, но она необходима, поскольку закладывает нравственный фундамент личности.

Сквозным в «фронтальной» лирике Б. Шаховского является мотив военной дороги («День победы», «Третий месяц в боях», «В теплушке», «На стоянке» и др.):

Запало в память навсегда
Пути солдатского начало.
Не на неделю – на года
Мы отплываем от причала [8, с. 13].

Традиционная пространственно-временная метафора нередко встречается в произведениях поэтов фронтального поколения: «Я честно, как положено бойцу, / Прошёл свой путь солдатский, боевой» [6, с. 39].

Авторское «я» в подобных стихотворных путевых очерках воплощено в образе воина-странника. Макроконтцепт путь / дорога в художественной картине мира «военной» лирики связан с мотивом вынужденной разлуки с домом, который раскрывается в контексте антинормы «свое – чужое» (Л. Ошанин «Дороги», «Волжская баллада», М. Джалиль «Дороги», К. Симонов «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», А. Сурков «Лупа висит над опаленным садом...», М. Сурначев «Письмо к маме», А. Твардовский «Дом по дороге фронтальной», «Когда пройдёшь путём колонн...», «Клятва над кровью» и др.): «Неустроенность, конфликтность, бесприютность нашей жизни актуализировала в нашем подсознании концептуальный архетип *дороги, пути*

как пространства хаоса, противостоящего стабильности дома, освоенного культурой пространства. С дорогой связаны скитания...» [7, с. 30]. Б. Шаховский противопоставляет дом и дорогу, акцентируя внимание на их антогонистической природе («Меня друзей не провожали...», «Сто шагов»):

На высотке село. Вот бы в нём
Отогреться и выспаться сладко!
Но к нему сто шагов под огнём
И одна рукопашная схватка [8, с. 15].

Подчёркивая растянутость во времени пространственного образа, поэт обращается к сказочной синкретической формуле, основанной на гиперболе:

Путь далёк!
У пехоты изнасят каски.
Сталь сотрется до дыр
Об асфальт башмаков.
Видно выпало нам
На войне,
А не в сказке
Износить
По три пары
Стальных башмаков [8, с. 19].

Временной характер образа дороги передан с помощью темпоральных метафор: «В этот день по всем дорогам мая / Откатилась в прошлое война» [8, с. 32].

В стихотворении «В теплушке» мотив венной дороги смыкается с образом поезда, центрального топоса-клише в советской литературе 1920–1930-х гг., который представлял собой метафору единственно верного революционного пути (М. Алигер «Железная дорога», Я. Смеляков «Я сам люблю железную дорогу», П. Орешин «Поезд»). Путешествие по железной дороге символизирует также стремительную динамику движения жизни вперед, которое в стихотворении Б. Шаховского воплощено в графике стиха, и приобретает положительную окраску:

И словно от искр, разгораются звёзды,
По ним направлень солдат разберёт...
А поезд, глотая застуженный воздух,
Несётся
    всё дальше,
        всё дальше – вперёд! [8, с. 21].

В образном ряде произведения, с одной стороны, присутствуют детали натуралистического плана, а с другой – высокий бытийный образ «спящей звезды», уподобленной гаснущему огню.

Большинство стихотворений с внесубъектным способом выражения авторского сознания («Сто шагов», «Дождь в окопах», «В теплушке», «Прямая наводка») в жанровом отношении тяготеют к бытовым зарисовкам, для которых характерны очерковая бытопистальность («Блиндажи не копаем...», «Истерлись обмотки», «Солдат отогрелся и снял сапоги», «Не шлет подкрепление кухня», «Мой окопный сосед выжимает портянки»), публицистические интонации, прямое выражение авторской позиции («Но костров не разводят / Российские парни. / Сад чужой берегут / Даже здесь, / На войне» [8, с. 23]) и лирическая метафоричность пейзажных этюдов («Скоро ль небо наплачется, / Ветер затухнет?», «Дождь тягучими длинными нитками / Прошивает истерзанный сад», «День февральский от вьюги ослеп...»). Таким образом, в «правду войны», согласно эстетической концепции Б. Шаховского, входит и обыденность смерти, к которой нельзя привыкнуть, и природная сила и очарование жизни, без которых нельзя перенести происходящее.

Тема юности, которую разрушила война, является одной из центральных в лирике Б. Шаховского. Он продолжает традиции поэзии фронтового поколения.

Сравните:

Мы были юны, страшно юны
Среди разрывов и траншей...
О. Шестинский «Ленинградская лирика» [4, с. 230]

Мы очень молодые люди,
Но здесь, на огненном ветру... [8, с. 17].

Б. Шаховский «На безжалостном ветру»

Великая Отечественная война служит отправной точкой жизненного пути лирического героя поэта-астраханца, тем моментом, когда начали формироваться его духовные ценности.

Лирический герой поэзии Б. Шаховского – это юноша, ушедший на фронт с институтской скамьи. Парадоксальное сплетение мотивов детства и войны, жизни и смерти получает развитие в стихотворении Б. Шаховского «Затишье». В рано повзрослевшем лирическом герое, как за суровым солдатом скрывается душа «босого мальчонки». Хронотоп стихотворения представлен двумя полюсами: реальным миром войны, где «небосвод, как штыками исколот», и идиллическим миром воспоминаний о детстве, где «нет снегопада». Контраст между ними подчеркивается несовпадением сезонного времени: зима – лето, соответственно:

Стужа лёд разрывает с хрустом.
Так промёрзли на нас шубняки <...>
У забора жара прикорнула,
Пятки жжёт раскалённый песок... [8, с. 28–29].

Вместе с тем также антитетичны описания подростковой беззаботной игры в войну («Он построил в лихое каре, / И гремят деревянные шпаги...» [8, с. 28]) и настоящего боя («Опять полыхнуло снарядом...» [8, с. 29]). Б. Шаховский воспроизводит взаимодействие двух голосов – голоса взрослого и голоса ребенка, имитируя особенности детского мировидения, способного ощутить, увидеть «чудо жизни» в каждом фрагменте окружающего мира: «Луг прибрежный усыпан росой...», «Тишина заползла в переулочек, / Задремала у наших ног» [8, с. 28–29]. Подобная лирическая ситуация организует сюжет стихотворений Г. Горбовского «Детство мое», В. Соколова «Нет школ никаких. Только совесть...». Граница между двумя пространственно-временными измерениями в стихотворении «Затишье» казалась бы проницаема («Тропки сказок далеких – рядом, / Вот они – дотянуться рукой» [8, с. 29]), однако возвращение в прошлое временно и иллюзорно. Художественная картина мира, смоделированная в произведении Б. Шаховского, определяется влиянием жанра элегии. Элегический модус оказал воздействие на сам тип миропереживания Б. Шаховского. Лирическое повествование окрашено элегической тональностью: мотивы одиночества, быстротечности времени проникают в поэтическую ткань текстов о Великой Отечественной войне. Важнейшей особенностью элегических стихотворений Б. Шаховского – натуралистические и антропологические корреляции. Так, война – это дисгармония мира, а хмурый, ненастный, пасмурный день – это своеобразная дисгармония природы, поэтому в авторском сознании они неразрывны и слиты воедино.

Серый, слякотный день
Обложил пол-Европы.
Передышка.
Работают только сердца.
Передрогли бойцы, оползают окопы,
А дождям, как и битвам,
не видно конца [8, с. 18].

В творчестве Б. Шаховского природа всегда одушевлена, и это сближает бойца с природой, делая похожими их ощущения происходящего:

День февральский от вьюги ослеп,
День израненный глохнет от думы [8, с. 15].

Поэтам послевоенного поколения во многом оказывается близок элегический пафос (М. Дудин «Соловьи», Д. Самойлов «Сороковые», Н. Старшинов «Солдаты мы», А. Твардовский «Я знаю никакой моей вины...», Ю. Левитанский «Я знаю, никакой моей вины...», А. Межиров «Человек живет на белом свете», Б. Слуцкий «Воссождать сумею ли, смогу», С. Гудзенко «Подрывник»). Это не случайно, как известно,

элегия генетически восходит к жанру поминального плача, и такая форма была востребована лирикой военных лет. Именно поэтому во многих стихотворениях Б. Шаховского, посвященных Великой Отечественной войне, особую значимость приобретает мортальная тематика:

И лепит гипсовые маски
Со всех,
Упавших вверх лицом.
[8, с. 16];

Кого-то
Вычеркнет неслышно
Вот этот хмурый день войны.
[8, с. 17];

Умирает поэт,
А больничные стенки
Так чисты и белы...
[8, с. 35].

Образ лирического героя в «военной» лирике периода 1940–1950-х гг. характеризуется сильной психологической рефлексией, глубоким и детальным раскрытием лирических эмоций, непосредственно связанных с историческими событиями. В «военных» стихотворениях Б. Шаховского в качестве доминирующего структурообразующего начала выступает обобщенное сознание, представленное формой лирического «мы» («Запало в память...», «На безжалостном ветру», «Третий месяц в боях», «На стоянке», «На переподготовке», «Затишье», «Минные тропы», «21 июня 1941» и др.). Тема войны в его творческой системе поэтизируется посредством раскрытия художественного образа современника – солдата, героически защищающего Родину:

Но остался в танке мой ровесник, –
Поклонитесь в пояс пареньку.
Из того огня
Ушел он в песню
И живёт по-прежнему в полку [8, с. 31].

В «Минных тропях» мотивы бессмертия и воскрешения получают новое прочтение: герой не только остается в народной памяти и творчестве, но и на своем боевом посту, где «теперь бессменно он дежурит», приближая вместе со своими живыми товарищами долгожданную победу. Как точно отметил Л. Лазарев, «мы» у фронтовиков – «это выражение общности ровесников, юношей 41-го года, для которых жизненными университетами стали дороги войны. Сколь органично для всех них это "мы" – в нём нет ничего от поэтической позы, оно возникает совершенно естественно» [5, с. 63–64]. Лирический герой поэзии Б. Шаховского – результат эпической консолидации. «Дух широты и всеобщности», рождённый в годы войны, не растворял отдельные человеческие «я» в коллективном «мы», как это было свойственно романтической поэзии революционной эпохи 1917–1921 годов, а способствовал выявлению тех индивидуальных возможностей личности, которые имели значения для сохранения и продления духовного бытия народа: «Но бессмертен народ, / Сколько б смерть ни кружилась...<...> / Ведь из тысяч людских / Биографий сложилась / Волгоград мой, / Бессмертная слава твоя!» [8, с. 81].

У Б. Шаховского лирический субъект отождествляется с поколением рожденных после революции, в то же время в произведениях, раскрывающих военную тематику, местоимение «мы» служит средством художественного воплощения собирательного образа фронтовиков. Перенесение на авторское «я» свойств «мы» с одновременной потерей качеств собственно «я» – одно из основных дифференцирующих признаков пролеткультовской картины мира (и способов ее моделирования), что отчасти коррелирует с особенностями художественного мировоззрения Б. Шаховского.

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победители пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души [5, с. 45].

Такая форма авторского присутствия в стихотворении В. Кириллова «Мы» олицетворяет новый тип героя-массы, пролетария, для которого смерть «я», отождествленного с коллективным «мы» предполагает его дальнейшее воскресение в товариществе:

Мы сделали то,
Что другим не по силам.
Ты, дед,
Умирал в одиночку
А мы
Свой путь проложили
По братским могилам
И век наш
По ним
Выбирался из тьмы [8, с. 104–105].

Лирика Б. Шаховского воссоздаёт эмоциональный опыт его современников, определяет нравственную ценность их существования, а одновременно с этим подчёркивает связь судьбы человека с судьбой народа и его родиной, что, собственно, является основой мировоззренческой позиции поэта: «Здесь остались / Мои одногодки. / Юность стала ровесницей / Им навсегда» [8, с. 79]. Из хора голосов складывается общая драматическая история жизни и смерти: «Кого-то / Вычеркнет неслышно / Вот этот хмурый день войны. / А ведь никто из нас не лишний, / Мы все любимы и нужны...» [8, с. 17]. Это та традиция русской классической словесности, которая связана с философской идеей соборности.

В качестве носителей обобщенного сознания выступают разнообразные формы – автор-повествователь («Можно только мечтать о тепле»), грамматически выраженное лирическое «мы» («Мы со смертью чудом разминулись»), косвенное «мы» («Блиндажей не копаем»), «я» в значении «мы» («Но остался в танке мой ровесник...»). Личное бытие лирического героя осмысливается как часть общемировой трагедии всего земного, микрокосм приравнивается к макрокосму. С образом «риторического человека» в творчестве Б. Шаховского связан целый комплекс топических единиц: мотивы единения («Запало в память навсегда»), боевого братства, дружбы и товарищества («Минные тропы»), смерти и бессмертия («На века»), потери и радости («День победы»), встречи и прощания («Меня друзья не провожали»).

Вместе с тем в лирике Б. Шаховского, посвященной Великой Отечественной войне, выделяется группа текстов («Запомнилась строка...», «Карандаш на полу», «Пусть порой немного угловаты...»), в центре которых находится образ поэта-бойца, а идея тождества между военным и поэтическим искусством становится смыслопорождающей:

...трещины
Всех бед и катастроф
Проходят
Сквозь сердца поэтов [8, с. 7].

Архетип воина-странника трансформируется в образ поэта-солдата. Сближение поэтического и военного начал в стихотворении Б. Шаховского имеет и метафорическую форму, связанную с мотивом движения. При этом в тексте акцентируется позиция бойца, дающая истинное понимание мира:

По праву
Все видевшего бойца,
Могу сказать,
Что беды и печали
Солдатские
Вначале рвут сердца,
Вы слышите:
Солдатские – вначале! [8, с. 7–8].

Автор противопоставляет художественному клише, обозначающему особую миссию поэта-пророка, подлинную правду жизни и искусства. Вместе с тем соединение творчества и воинского дела переводит «бесполезное» занятие поэзией в сферу

высокого долга («Только б правду молвить о солдатах, / О друзьях-ровесниках своих» [8, с. 43]) и раскрывает тему жертвенного подвига художника:

Только тот и поэт,
Кто отдаст без остатка
Людям жизнь,
Не считая слова на рубли,
Тот, кто первым идет
В рукопашную схватку
И последним бросает
В беде корабли [8, с. 37].

Стихотворение «Карандаш на полу», посвящённое поэту С. Гудзенко, в жанровом отношении близко к поэтическому некрологу. В некоторых поэтических произведениях периода Великой Отечественной войны можно встретить мотив «взыскания погибших» [2] (А. Ахматова «De profundis. Моё поколение», А. Твардовский «Я убит подо Ржевом», С. Орлов «Мы ушли на заре», П. Антокольский «Сын»). Он позволяет видеть в стихах редуцированное присутствие древнего жанра *de profundis* (начало покаянного псалма, который читается как отходная молитва над умирающим). Трансформацию сюжета *de profundis* можно усмотреть и в стихотворении Б. Шаховского «Карандаш на полу». Произведения, в которых сюжетобразующую роль играет мотив «из бездны взываю», не просто раскрывают тему памяти, поминального плача о погибшем художнике, они обращены к поэтам, не завершившим свое дело, не выполнившим до конца свою миссию:

Брось борьбу!
Ты оставишь не пост,
А всего лишь
Стих с одной недоконченной
Белой строкой [8, с. 36].

Текст построен как дружеское послание «воину Гудзенко», умирающему в больнице, и одновременно как воззвание к живым. Безличное повествование наполняется лирическими оборотами благодаря своей диалогичности, реализующейся в системе императивов, риторических вопросов и восклицаний: «Брось стихи!», «Так зачем укорачивать / Тропку свою?», «Сотни слов! / Но опять сорвалась переправа» [8, с. 36–37]. Особенность жанра послания заключается в том, что его жанровый субъект выступает «в двойном освещении» (В. Грехнев): мир послания существует на границе искусства и реальности, его жанровый субъект – безличный повествователь и одновременно биографический автор. Так же двойственно изображён и жанровый адресат: это реальное лицо, его имя вынесено в посвящении, и в то же время он воплощает одну из жанровых ролей.

Стихотворение композиционно делится на две части: первая ориентирована на реализацию темы смерти («Умирает поэт. / А больничные стенки так чисты и белы...» [8, с. 35]), а финальные строки воплощают идею жизни, символически выраженную в природоописании:

Просыпаются птицы,
Продрогшие ветки
Тянут пальцы
К больничным окошкам, к теплу [8, с. 37].

Смерть в художественном мире Б. Шаховского интерпретируется натурфилософски: мёртвые не уходят в забвение, они становятся частью природного бытия. В то же время особую значимость приобретает мотив бессмертия, дарованного поэту за целительную силу его творчества для живущих: «Но они пригодятся / Лежащему рядом, / И поднимут его, / И поддержат в строю» [8, с. 37]. Таким образом, в данном произведении нет молитвы, адресованной сверхсубъекту, но присутствует голос «из глубины», воззвание к живым, напоминание о долге.

В литературе периода Великой Отечественной войны возрождается миф о русских людях – о русскости как особом качественном составе, определяющем жизнь нации [3, с. 11] (А. Твардовский «Василий Теркин», П. Коган «Есть в наших днях»,

К. Симонов «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»). В «военной» лирике Б. Шаховского («День победы», «На стоянке») в центре национального мира также находится персонаж, изображённый как героическая личность, цельный народный характер:

В гимнастерке, потом просоленной,
Над землей,
Над тысячами рек,
Радостный,
Усталый,
Опаленный,
Улыбался русский человек [8, с. 33].

В создании образа поэт использует фольклорные традиции (былинный эпический кругозор), натуралистические телесные детали и штампы массового сознания. Вместе с тем в ряде текстов («Меня друзья не провожали...», «На безжалостном ветру», «Затишье») поэт обращается к образу «края родного», отказываясь от монументального панорамного принципа изображения России. Б. Шаховский сосредотачивает свое внимание на конкретных элементах геотопики, которые формируют целостный образ Нижнего Поволжья («синий плес», «чайки-непоседы», «ветелки», «рассвет над Волгой»).

Образный ряд произведений Б. Шаховского о войне отличаются некоторая повторяемость и клишированность. Лейтмотивными в его лирике являются «стихийные» образы огня, метели, ветра, дождя, характерные и для творчества других поэтов фронтового поколения (А. Прасолов «Ещё метёт во мне метель...», А. Сурков «Встреча», «В землянке», Д. Андреев «Ленинградский апокалипсис»). В стихотворениях «Сто шагов», «На безжалостном ветру», «Затишье», «Там – только рана пулевая...», «В теплушке» ключевым становится образ вьюги / метели / пурги. Именно он передаёт всю суровость холодной и зловещей атмосферы войны («День февральский от вьюги ослеп»). Б. Шаховский создаёт двуплановый образ: это и символ враждебного человеку мира, и символ состояния души лирического героя, его внутреннего смятения и тревоги. Б. Шаховский нередко использует «пейзажные» образы в метафорическом значении: они перестают быть частью природного универсума, а призваны показать разрушительную силу, абсурд и ужас войны («свинцовая пурга», «огненный ветер»). Активное обращение астраханского поэта к образам-символам, которые становятся своего рода топосами, восходит к формульному поэтическому мышлению советской поэзии 1920–1940-х гг.

Публицистические интонации и гражданский пафос стихотворений Б. Шаховского о войне определяют плакатную контрастность художественного мира:

Мы уходили в *темноту*
За тем, чтоб ясную мечту
Мир озарил горячим *светом*... [8, с. 30].

Вместе с тем в некоторых произведениях о войне Б. Шаховский отказывается от громогласной выпренности тона. Яркий пример – стихотворение «День Победы». Поэт противопоставляет восприятие великого праздника простыми людьми официальному освещению.

Об этой дате
Сказочного роста
Взахлеб трубила пресса всей земли.
И лишь солдат российский
Молвил просто:
– Кури, ребята. Кажется, дошли [8, с. 32].

Автор использует экспрессивно-оценочную лексику («взахлеб», «трубила», «сказочного роста»), которая в контексте контрастного соположения приобретает иронические коннотации. Поэт создаёт образ Родины, основанный на семантическом отождествлении предельно обобщённого, панорамного и конкретно-вещественного, предметного принципов изображения.

Бойца до звёзд поэты возносили,
А он, взглянув бессмертию в лицо,
Мечтал о том,
Как встретится с Россией
И как починит матери крыльцо [8, с. 32].

Необходимым структурным элементом для воспроизведения патриотической патетики произведений выступает их ритмико-интонационный строй. Смысловая законченность предложений, словосочетаний, чётко выдержанная рифма, равномерность строфики, начальная и внутрискрочная аллитерации придают стихотворениям Б. Шаховского динамический ритм, соответствующий настроению и духу времени:

Когда свинец хлестнул в страну,
Зашатала стекла канонада,
Не колеблясь, – первым дверь рванул
И шагнул в пожары Сталинграда [8, с. 56].

В творчестве Б. Шаховского становятся заметней изъяны, свойственные советской поэзии в целом – канонизированная традиционность стиха, превращающаяся часто в однообразие стихотворных размеров, ритмов, образности, словесной ткани, заданность риторической «инвенции» и «диспозиции» (когда по началу текста уже примерно ясно, куда и как ведёт поэт), «тематическая» повествовательность:

Побеждая врагов
И любые ненастья,
Прорубая глухую
Межзвездную тьму,
Мы пути пролагаем
К великому Счастью
И себе,
И потомкам,
И миру всему [8, с. 45].

Типично, например, стихотворение «На стоянке», состоящее из набора «общих мест», причем клишируются даже удающиеся Б. Шаховскому лирические мотивы и образы природы.

Однако наряду с общестилевыми для «фронтальной» поэзии тенденциями в лирике Б. Шаховского о Великой Отечественной войне можно обнаружить и некоторые художественные открытия. Так, в качестве оригинального художественного приема, восходящего отчасти к традиции В. Маяковского, можно выделить неклассическое, смысловое и графическое членение стихотворной строки, близкое к астрофическому. В некоторых стихотворениях («Меня друзья не провожали...»), напротив, поэт имитирует песенную структуру, акцентируя отдельные лексические сегменты, на которые приходится динамические оттенки, с помощью репризы: последний стих в строфе повторяется в начале следующей (разновидность анадиплосиса) и тем самым приобретает характер припева:

Мы просто вместе уезжали
Без багажа.

Без багажа
И без билетов –
Они солдатам не нужны.
На западе горело лето
В огнях войны.

В огнях войны
Пылали танки... [8, с. 14].

Оригинальной приметой идиостиля астраханского поэта является использование «милитаристской» метафоры и – шире – образности: «В апрель нацелясь, / Взвонят почки / Свои незримые курки» («Линяют заячьи сорочки...», [8, с. 164]), «Прямою наводкой капели», «Ручьями в боях истекая, / Апрелью сдается зима» («Прямая

наводка», [8, с. 30]), «Небосвод как штыком исколот, А в проколы сыплется снег» («За-тишье», [8, с. 28]), «Дождь с рассвета строчит...» («На стоянке», [8, с. 22]), «Не грусти – то совсем не сединки <...> / То бинтов госпитальных ворсинки, / Осыпаясь застряли навек» («Жесткие пряди», [8, с. 224]) и др.

Многие лирические стихотворения о Великой Отечественной войне Б. Шаховского – это произведения с повествовательно-прозаической организацией текста, что обусловлено присущей им сюжетностью и жесткой прикрепленностью к факту. Безусловно, эта особенность объясняется общими тенденциями развития советской поэзии 1940–1960-х гг., а также тем, что героиня времени диктовала необходимость обращения не к индивидуальному, а к массовому сознанию, требуя расширения спектра психологически действенных художественных форм. Всё это привело эпизации лирики, появлению синкретических форм лирического эпоса. Стиль Б. Шаховского отличается особой экспрессивностью, афористичностью, декларативностью, риторичностью, что соответствует основным тенденциям развития поэзии периода Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. В Политехническом «Вечер новой поэзии»: Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом. 1917–1923. Статьи. Манифесты. Воспоминания / сост. и вступ. ст. Вл. Муравьев. – М. : Московский рабочий, 1987. – 414 с.
2. Дашевская О. А. Мотив de profundis в поэзии Великой Отечественной войны / О. А. Дашевская // Вестник Бурятского государственного университета, 2015. – Вып. 10 (1). – С. 169–175.
3. Дашевская О. А. Поэзия Великой Отечественной войны: эстетика, проблематика, жанрово-стилевые тенденции : учеб.-метод. пос. / О. А. Дашевская. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. – 136 с.
4. «Идёт война народная»: Стихи о Великой Отечественной войне / предисл., сост. и справки об авторах Н. И. Горбачева. – М. : Детская литература, 2001. – 332 с.
5. Лазарев Л. И. Юноши 41-го года (Заметки о поэзии военного поколения) / Л. И. Лазарев // Лазарев Л. И. Это наша судьба. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 63–64.
6. Сурков А. А. Собрание сочинений / А. А. Сурков. – М. : Художественная литература, 1979. – Т. 3. – 223 с.
7. Черепанова О. А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах / О. А. Черепанова // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – Вып. 7. – С. 29–34.
8. Шаховский Б. Стихи о нашей любви / Б. Шаховский. – М. : Художественная литература, 1971. – 303 с.

References

1. V Politekhicheskom «Vecher novoy poezii»: Stikhi uchastnikov poeticheskikh vecherov v Politekhicheskom. 1917–1923. Stat'i. Manifesty. Vospominaniya / sost. i vstup. st. VI. Murav'yev. M.: Moskovskiy rabochiy, 1987. 414 p.
2. Dashevskaya O. A. Motiv de profundis v poezii Velikoy Otechestvennoy voyny // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, Iss. 10 (1), pp. 169–175.
3. Dashevskaya O. A. Poeziya Velikoy Otechestvennoy voyny: estetika, problematika, zhanrovo-stilevyye tendentsii. Tomsk: Tomsk State Un-ty Publ., 2016. 136 p.
4. «Idet vojna narodnaya»: Stikhi o Velikoy Otechestvennoy voyne / Predisl., sost. i spravki ob avtorakh N. I. Gorbacheva. M.: Detskaya literatura, 2001. 332 p.
5. Lazarev L. I. Yunoshi 41-go goda (Zametki o poezii voyennogo pokoleniya) // Lazarev L. I. Eto nasha sud'ba. M.: Sovetskiy pisatel', 1983, pp. 63–64.
6. Surkov A. A. Sobraniye sochineniy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1979. T. 3. 223 s.
7. Cherepanova O. A. Put' i doroga v russkoy mental'nosti i drevnikh tekstakh // Materialy XXVIII mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. SPb: SPbSU Publ., 1999, Iss. 7, pp. 29–34.
8. Shakhovskiy B. Stikhi o nashey lyubvi. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1971. 303 p.